

Андрей Неклюдов

История одного признания

Часть сборника
Нефритовые сны (сборник)

Андрей Неклюдов

История одного признания

«Институт соитологии (ИС)»

Неклюдов А.

История одного признания / А. Неклюдов — «Институт соитологии (ИС)»,

ISBN 978-5-457-10926-1

Что бывает, если человек после долгих лет встречается свою первую любовь, которую когда-то обожествлял, но которая теперь вызывает вполне земные желания? И к чему приведут их странные эротические игры, в которых тайно, оказывается, участвует еще и третье лицо? Книга адресована искушенному читателю, ценителю тонкой, психологической эротики.

ISBN 978-5-457-10926-1

© Неклюдов А.
© Институт соитологии (ИС)

Содержание

Рассказ	5
1	5
2	7
3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Андрей Неклюдов

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРИЗНАНИЯ

Рассказ

1

Безусловно, она изменилась. Как-никак минуло тринадцать лет. Изменился и я, изменилось – и это главное – мое восприятие ее, ее чары потеряли для меня свою силу.

Передо мной была красивая, обаятельная, утонченная, уже почти незнакомая, и от этого, пожалуй, не менее загадочная, чем прежде, но... вполне земная женщина. А тогда, в школьные годы... о, тогда!..

Тогда она была ангелом, маленьким божеством. И была она уникальна, одна такая не только на всю школу, весь городок, но и, казалось, на всю Вселенную. Вокруг нее существовал какой-то магический ореол. Я ощущал эту ее ауру, я спиной улавливал ее появление в классе, или наоборот: мне вдруг становилось скучно, и только за тем я замечал, что ее нет поблизости. Она излучала невидимые волны, на которые все мое существо отзывалось потоками несвойственной мне и не находящей применения нежности.

Я только созерцал. Хотя любованием это не назовешь. Скорее, это было неослабевающее изумление и граничащий с ужасом, с обмороком, с параличом восторг, счастье, мука, наркотик. Вопрос, для чего я живу, не мог возникнуть в принципе. Как – для чего? Чтобы завтра снова увидеть ее, чтобы опять вкусить этой сладкой муки.

А ведь, как сейчас вспоминаю (уже поостывшим сердцем), к писаным красавицам в смысле совершенства и пропорциональности черт лица и строения тела ее вряд ли можно было бы причислить. Русые, слабоволнистые, тонкие на вид волосы собраны сзади в два хвостика, выбивались лишь несколько непокорных прядей у висков, над ушами, да отдельные нити на лбу, которые она то и дело рассеянным движением подправляла, прилепляла к остальным, прижатым к окружности головы. Носик чуть вздернутый и, пожалуй, несколько крупноватый (позаимствованный у матери, которую я видел не раз и которой втайне тоже поклонялся, вроде как Богоматери). Правда, глаза – тут уж ничего не скажешь – чудесные: серо-голубые, мерцающие, ледяной иглой прокалывающие душу, обрамленные густыми, черными (при светлых-то волосах!) ресницами. Казалось, их (ресниц) раза в два больше, чем полагается в среднем на человека. Из-за этой густоты они выглядели искусственно распушенными. Под стать ресницам – брови. Заостренные с концов, они напоминали мне две стремящиеся навстречу друг другу черные кометы. Эта смоль – от отца, с виду то ли кавказца, то ли азиата (я тогда не различал, а позднее узнал, что просто украинца).

Но – как ни удивительно мне это сейчас признавать (и что сразу как бы снижает, по общепринятым понятиям, глубину моих чувств) – полюбил я в ней прежде всего ее фигурку. И опять же удивительно: в контурах ее тела не было той классической совершенной женской линии, какую мы находим у скрипки, виолончели или фужера и какая уже тогда наметилась у некоторых ее сверстниц. Талия ее, округлая, хотя и узкая, но плотненькая с виду, быстро сменив вгиб на выгиб, смело переходила в меленькую и также крепенькую закругленную попку. Далее – ножки. Я был убежден, что никакой искусник-ваятель не нашел бы такой... не скажу «идеальной», и даже не совсем подходит слово «изящной», – а какой-то сверхплотной формы. Точнее всего, если только можно так выразиться, я бы назвал их форму

вкусной, аппетитной. Подобные (но не аналогичные) ножки, крепенькие и лакомые, можно лицезреть у некоторых миниатюрных фигуристок.

Их притягательную силу ощущал не я один. Мальчишки, все как один, привставали со своих мест, когда Олечка тянулась с куском мела в пальчиках к записи в верхней части доски. Краешек ее форменного платица приподнимался, точно занавес в театре... и от дивного зрелища продолжающихся вверх двух ножек с неповторимым и в то же время симметрично повторенным изгибом становилось душно. Воздух застревал в гортани, и всеединый спазм странным сдавленным звуком прокатывался по классу.

У других девчонок, помнится, ножки были – у которой длиннее, у которой тоньше в подъеме, у которой плавней и постепенней осуществлялся их переход к самой женской части тела... Но таких ножек-конфеток не было ни у кого, кроме Оли Темниковой.

2

Итак, во мне пылала любовь. Временами, доходя до масштабов пожара, она требовала от меня безумств. Первым таким безумным (для меня тогдашнего) поступком стало приглашение Олечки на свидание. Я сам не понимал, как я решился на столь отчаянный шаг. В духе заведенной в наших средних классах моды назначать свидания анонимно (то была своего рода игра, отдаленно напоминающая маскарад), я подбросил Оле записку, в которой предлагал ей прийти в назначенный вечерний час к ступеням кинотеатра: «...и тогда все узнаешь».

Подкрадываясь в сумерках к углу выбеленного кубического здания, я с одинаковой силой желал, чтобы она пришла и чтобы не пришла. Сотворив нечто вроде краткой молитвы, я выглянул и сейчас же отпрянул, едва не задохнувшись. В глазах осталось изображение – маленькая фигурка в короткой курточке (руки в карманах), ниже которой белели *ее* ножки.

Она пришла! Она пришла на свидание со мной... нет – на свидание не известно с кем. Хотя фактически – со мной! Но... осуществить это самое свидание я был, оказывается, не в силах. У меня подгибались коленки, меня колотила лихорадка, сердце металось в панике по всему телу и билось о его оболочку, как пинг-понговый мячик. Единственное, на что я был способен в те минуты – так это повалиться на трещиноватый асфальт и ползти к ней, оцарапывая живот... Благо, я догадывался, что Олечку этот маневр, по меньшей мере, удивит. И вряд ли удивит приятно. А скорее всего, до смерти напугает. И чтобы не пугать ее и самому не опозориться и не потерять окончательно всякую надежду на взаимность, я бежал. Я бежал, не видя ничего вокруг и проклиная свою любовь, делающую меня ни на что не годным.

Сознание того, что она приходила, нашла смелость прийти, ждала и что ждала напрасно, ее вероятная обида, разочарование, – огнем опаляло мое сердце, на котором и без того было выжжено ее имя. Но вместе с тем... делало обожаемый образ более земным. Ведь богиня не пойдет на свидание. И ей не ведомы обида и разочарование, богиню невозможно обидеть. Олю же я умудрился уязвить и тем самым приблизил к себе. И хотя по-прежнему в ее присутствии я терял дар речи и всякую отвагу, цепенел и таял от нежной истомы, но душу мою уже овеивал ветерок последующих «безумств».

В девятом классе я вызвал ее на танец.

Дело происходило в ДК; в тесноте зала билась, словно не уместаясь в нем, безудержная музыка, заставляя извиваться и трястись толпу таких же, как я, подростков. Сам я механически топтался на месте, держа под наблюдением стайку девчонок из своего класса, танцующую на отшибе. И когда (редкое явление) зазвучала медленная композиция, я покачнулся и, прикусив губу, направился к ним.

Могу только предполагать, какое у меня при этом было лицо: девчонки прыснули от смеха, а Оля опустила глаза. Тем не менее, героический шаг был сделан, и награда не заставила себя ждать – я увел Олечку за собой.

Конечно, я был скован, неумел, неловок, я почти не слышал музыки и все время сбивался с такта. Но моя душа порхала в небесах! Я обнимал *ее*! Впервые, кажется, я видел ее так близко от себя, обонял ее, улавливал тепло и колебания ее тела.

Жуть и счастье слились во мне в некое единое чувство – в субстанцию, более сильную и более острую, чем жуть и счастье по отдельности.

Не иначе все богатства Земли разом свалились на меня, чтобы через несколько мгновений вновь оставить меня с пустыми руками. Олечка была этим безмерным богатством, но обнимал я ее не алчно, а осторожно, трепетно, словно боясь повредить. Моя ладонь – горячая, влажная, напряженная, подрагивающая – на ее твердой округлой талии, тоже, кажется,

влажной. Мое дыхание – в ее волосах. Моя щека украдкой скользит по их кончикам. И наконец (вершина храбрости) – мой поцелуй, похожий на то, как тычется слепой котенок в живот матери-кошки.

Зато как я разухарился после этого танца, и одну за другой приглашал других девчонок. Куда и подевалась моя неуклюжесть! Я был раскрепощен, умело танцевал, удачно шутил, так что партнерша, хохоча (возможно, чуть-чуть переигрывая), запрокидывала голову, трясая волосами и вызывая ревнивые взгляды подружек. Я смело глядел ей в глаза, смело целовал в щечку, в девичью шейку, в губы. Мне было весело, самолюбие мое торжествовало, однако волшебства, восторга и ужаса, пронизывающего сердце острыми сладкими иглами – всего того, что я испытывал, танцуя с Олей, – уже не было.

3

Она жила с матерью и братом. Отец их покинул, но иногда я встречал его возле их подъезда (наверное, навещал своих чад). Мать была крупная, высокая, молчаливая женщина. А Оля с братом – среднего роста или даже чуть ниже. Хотя брату, ученику младших классов, в то время и полагалось быть ниже. Но скорее всего, сказывались гены отца-коротышки, сумевшие перебороть материнскую программу роста.

Брат казался зеркальным отражением сестры – такой же русоволосый, с голубыми ясными глазами и пушистыми ресницами. Пожалуй, он выглядел даже смазливее сестрицы: кожа на лице нежнее, на щеках – румянец, уши просвечивают нежной розовостью. Единственный, но существенный (и даже нынче трудно исправимый) недостаток – мужской пол. Но несмотря на этот «дефект», какая-то часть моей большой неутоленной любви к сестре обращалась и на брата. Было волнующе-радостно встретить его на улице или в школе. И хотя я держался поодаль, наблюдая за ним со стороны, исподволь меня тянуло обнять его и погладить его девичье личико. И не просто девичье – в его лице мне неизменно чудилось лицо Олечки. Его бархатистая кожа на шее была той же кожей, что облекала шею сестры, его уши имели ту же форму, точно их вырезал один и тот же мастер по одному и тому же лекалу. Он был похож на сестру, как имя Толя похоже на имя Оля, с той лишь разницей, что впереди перед круглой женской «О» приставлено мужское твердое «Т».

Наибольшее впечатление производили на меня его глаза. Я приходил в трепет от его взгляда, явственно видя в нем взгляд Олечки. Мне даже чудилось, будто все, что видит он, каким-то фантастическим образом, через него, видит и она. Поэтому я всегда старался быть в его глазах на высоте. Так, однажды я поколотил парня, залепившего Толе в затылок снежком, и понес за это наказание (но вместо раскаяния в моей душе играли оркестры и пели хоры). В другой раз я сшибся с пацаном, гнавшимся за ним. Удар был такой силы, что мы разлетелись в разные стороны и прокатились по асфальту кубарем.

Словом, вне уроков я был его телохранителем. И кажется, он догадывался об этом – его глаза поглядывали на меня с благодарностью. О, если бы *она* посмотрела на меня *так* хоть раз!

... Как давно это было! И со мной ли? Каким же я был неумехой. Мне б тогда мой нынешний опыт – я бы ее ни за что не упустил! А так она упорхнула. Уехала в другой город поступать в институт.

Была еще одна встреча. Точнее, сперва было письмо от нее – как разряд грома над ничего не ведающей головой. Громада счастья, обрушившаяся на меня совершенно неожиданно, неподготовлено, незаслуженно (и потому подозрительно), грозящая раздавить меня своим избыточным весом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.